УДК 347.12
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-3-552-573
EDN: JFCFFL

CC BY

Оригинальная научная статья

Восстановление нарушенных прав как функция, цель и принцип гражданского права

А. В. Сятчихин
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация
✉ *doka065@gmail.com*

Аннотация. До настоящего времени в цивилистике не сложилось единого подхода к определению, содержанию, разновидностям, формам, объемам, природе и месту восстановления как цели и функции гражданско-правового регулирования. В статье в контексте исследования восстановительной функции гражданского права рассматриваются вопросы соотношения категорий «функция», «цель» и «ценность» в праве, анализируются подходы к пониманию цели в гражданском праве, ее субъективной и объективно-субъективной природы и существующих ее разновидностей. Исследуется соотношение восстановительной функции гражданского права и цели восстановления как одного из этапов ее последовательной реализации, а также соотношение восстановительной функции гражданского права и принципа (нормы-принципа) необходимости восстановления нарушенных гражданских прав с его двумя императивами на примере отдельных норм Гражданского кодекса Российской Федерации. ***Методологической основой исследования*** выступил всеобщий диалектический метод познания. Автор также обращается к основным парным категориям диалектики (единичное и общее, форма и содержание), использует исторический и структурно-функциональный методы, метод системного толкования, общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукцию, дедукцию, системно-структурный метод, абстрагирование и сравнение) и приемы формальной логики. Для раскрытия затрагиваемых вопросов анализируется дореволюционная, советская и современная доктрина отечественного права, гражданское законодательство и практика его применения. В статье приводятся статистические данные о количестве и результатах рассмотренных в различные периоды судебных споров о возмещении убытков и взыскании неустойки, разительно отличающиеся в 2014 и 2024 гг. Кроме того, автор обращается и к положениям философского знания, поскольку изначально термины «цель» и «функция» представляют собой философские категории, содержание которых изменялось сообразно этапам развития общества. ***Результаты исследования*** указывают на наличие нескольких подходов к содержанию понятия «восстановление» в гражданском праве. Приводится авторское понятие цели восстановления в гражданском праве, раскрывается природа указанной цели. Выявляется особенность современного гражданского законодательства, впервые возводящего восстановление в ранг его основ, а также иллюстрируется соотношение рассматриваемой категории восстановления в обличии функции, цели и принципа гражданского права. ***Делается вывод*** об особенностях современного гражданского законодательства, отличающих его от зарубежных правопорядков и советского, а также дореволюционного гражданского законодательства. Также автор приходит к выводу о том, что достижение цели восстановления во многом зависит от господствующих в судебной практике подходов и заданных не только законодателем, но и самим правоприменителем установок.

Ключевые слова: восстановление; восстановительная функция; цель права; функция гражданского права; ценность права; функция права

© Сятчихин А. В., 2026

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сятчихин А. В. Восстановление нарушенных прав как функция, цель и принцип гражданского права // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 3. С. 552–573. DOI: https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-3-552-573. EDN: https://elibrary.ru/jfcffl

Original scientific article

The Restoring Violated Rights as a Function, Objective and Principle of Civil Law

A. V. Syatchikhin

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

✉ *doka065@gmail.com*

Abstact. Until now, civil law scholarship has not developed a unified approach to defining the concept, content, types, forms, scope, nature, and place of restoration as a goal and function of civil law regulation. Within the framework of studying the restorative function of civil law, this article examines the correlation between the categories of "function", "goal" and "value" in law, analyzes approaches to understanding the goal in civil law, its subjective and objective-subjective nature, and its existing varieties. The study explores the relationship between the restorative function of civil law and the goal of restoration as one of the stages of its sequential implementation, as well as the correlation between the restorative function of civil law and the principle (norm-principle) of the necessity to restore violated civil rights, with its two imperatives illustrated through selected provisions of the Civil Code of the Russian Federation. Based on this analysis, the author concludes that modern civil legislation possesses distinctive features that differentiate it from foreign legal systems, as well as from Soviet and pre-revolutionary civil law. ***The methodological basis of the research*** is the universal dialectical method of cognition; the author also relies on key paired categories of dialectics (the particular and the general, form and content), and employs historical and structural-functional methods, the method of systematic interpretation, as well as general scientific research methods (analysis, synthesis, induction, deduction, the systemic-structural method, abstraction, and comparison) and techniques of formal logic. To address the issues under consideration, the article analyzes pre-revolutionary, Soviet, and contemporary doctrines of domestic law, civil legislation, and its application in practice. In particular, it presents statistical data on the number and outcomes of court disputes concerning damages and penalty recovery across different periods, demonstrating a striking contrast between 2014 and 2024. Based on this, ***the author concludes*** that the achievement of the goal of restoration largely depends on the approaches prevailing in judicial practice and on the orientations established not only by the legislator but also by law enforcement authorities themselves. In addition, the author refers to provisions of philosophical knowledge, since the terms «goal» and «function» are originally philosophical categories whose content has evolved in accordance with the stages of societal development. ***As a result of the study***, the author identifies several approaches to the content of the concept of «restoration» in civil law, proposes an original definition of the goal of restoration in civil law, reveals the nature of this goal, identifies a feature of modern civil legislation that elevates restoration to the level of its fundamental principles, and illustrates the relationship of the category of restoration as manifested in the form of a function, a goal, and a principle of civil law.

Keywords: restoration; restorative function; purpose of law; function of civil law; value of law; function of law

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Syatchikhin A. V. The Restoring Violated Rights as a Function, Objective and Principle of Civil Law. *Siberian Law Review.* 2026;23(3):552-573. DOI: https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-3-552-573. EDN: https://elibrary.ru/jfcffl (In Russ.)

© Syatchikhin A. V., 2026

Содержание

I. Введение 554
II. Подходы к пониманию цели в гражданском праве 555
III. О соотношении понятий «функция», «цель» и «ценность» 558
IV. Об объективной и субъективной природе цели в праве 559
V. К вопросу о разновидностях целей в праве 563
VI. Понятие цели восстановления в гражданском праве 564
VII. О соотношении восстановительной функции и принципа (нормы-принципа) необходимости восстановления нарушенных гражданских прав 565
VIII. Заключение 569
Список литературы 570

I. Введение

Термин «восстановление» многогранен, и в гражданском праве он, бесспорно, проявляет всю свою глубину. Именно в цивилистической доктрине ведется оживленная дискуссия о формах восстановления, его разновидностях, объеме, содержании и, собственно, о его понятии. Восстановление может одновременно означать как одноименную функцию гражданского права, так и промежуточные этапы ее реализации – цель, задачи и результат. В частности, Д. А. Липинский так определяет проблему использования в доктрине одноименных категорий: «Совпадение по названию функций юридической ответственности и ее целей не означает их отождествления. Идентичность названий объясняется тем, что каждой функции юридической ответственности соответствует определенная цель, а по своему названию цель и функция могут совпадать»[1].

Оговоримся, что в данном случае рассматриваются и сравниваются не цели и задачи права как категории более высокого порядка, не результаты правового воздействия как таковые, а цели и задачи непосредственно восстановления, результаты реализации восстановительной функции гражданского права.

Стоит заметить, что в отечественной литературе дискуссия о соотношении данных категорий осложняется вопросом соотношения этих же категорий с самой функцией. Так, например, Г. Ф. Шершеневич замечает, что предлагаемый немецким философом и юристом Адольфом Лассоном подход, предполагающий замену вопроса о целях вопросом о функциях, является несостоятельным: «Можно признать, например, что право есть функция государства, но это еще не значит, что целью государства признается установление и охрана права» [1, с. 214].

Предваряя раскрытие темы настоящей статьи, также отметим, что зачастую исследователи не разделяют понятия «правовая цель», «цель в праве», «цель права»[2]. Так, правовая цель представляет собой гарантированную государством модель общественного состояния (процесса), к реализации которой стремятся законодатель и конкретный субъект права при помощи соответствующих правовых средств ее достижения. Цель права, в свою очередь, представляет запланированные законодателем результаты правового регулирования общественных отношений как сформулированные законодателем направления развития государства, общества

[1] *Липинский Д. А.* Общая теория юридической ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Самара, 2004. С. 202–203.

[2] По мнению Е. А. Мызниковой, правовая цель представляет более широкое понятие и включает в себя в качестве составных элементов цель в праве и цель права. См.: *Мызникова Е. А.* Цели в праве: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 27 с.

и личности[3]. Цель в праве, со своей стороны, акцентирует внимание на особенностях, специфике постановки и содержания целей именно в сфере права. В дальнейшем, ведя речь о восстановлении, мы будем подразумевать, соответственно, правовую цель (сфера субъективного права) и цель гражданского права (сфера объективного права).

II. Подходы к пониманию цели в гражданском праве

Упрощенно под целью всегда понимается идеальный образ, желаемый результат, на достижение которого направлено сознательное действие. Следовательно, цель изначально определяет любую сознательную деятельность[4]. Так, в целенаправленной деятельности людей, как отмечается в философском словаре, находит свое отражение «диалектическое взаимоотношение между свободой и необходимостью»[5]. В философской энциклопедии цель определяется как «идеальный, положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия или деятельность, это идеальный внутренне побуждающий мотив»[6]. В философии Нового времени категории «цель» отводится особое место. Не углубляясь в этот вопрос, отметим лишь, что на современном этапе развития философской мысли цель преимущественно возводится в ранг одной из движущих сил, формирующих процесс становления реальности (действительности).

На непреходящее значение цели в любой сознательной деятельности, особенно связанной с социально-политическими преобразованиями (они всегда ведут к преобразованиям в правовой надстройке общества), очень точно указывал В. И. Ленин: «Начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены»[7]. Справедливы и замечания А. Г. Бессолицына о том, что «цель, выражая активную сторону человеческого сознания, должна находиться в соответствии с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого субъекта»[8].

Также при исследовании данного вопроса важно разграничивать цели гражданского права (гражданско-правового регулирования) и цели собственно восстановительной функции гражданского права. Так, цели права: а) определяют предельно общую идеальную модель состояния общественных отношений, то есть представляют собой более общее понятие, чем цели конкретной функции права; б) содержательно определяют, обусловливают функции права, являющиеся производными от целей права.

Рассуждая об используемой в советском праве категории «цель», А. И. Экимов очень точно отметил, что «познание и практическое использование права невозможно без анализа целей, лежащих в основе его создания и реализации»[9]. Б. Т. Базылев начинает исследование целей и функций юридической ответственности со следующей мысли: «Выяснение целей, а следовательно, и функций юридической ответственности необходимо

---

[3] См.: *Мызникова Е. А.* Указ. соч.

[4] Примечательно, что в греческой философии слово «цель» (τέλος), напротив, чаще употребляется в значении «конец» или «завершение».

[5] *Философский* словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Полит. лит., 1986. С. 53.

[6] *Философская* энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. М. : Совет. энцикл., 1970. С. 45.

[7] *Ленин В. И.* Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии (Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6–8 марта 1918 г.) // Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 36. С. 44.

[8] *Бессолицын А. Г.* Цели и функции юридических мер защиты : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 63.

[9] *Экимов А. И.* Категория «цель» в советском праве : автореф. … канд. юрид. наук. Л., 1970. С. 3.

науке для более глубокого проникновения в сущность этого правового института, а в конечном счете эта необходимость обусловлена потребностями более эффективного использования и дальнейшего совершенствования законодательства о юридической ответственности» [4, с. 47]. А. Г. Бессолицын, в свою очередь рассуждая о целях и функциях юридических мер защиты, справедливо указывает, что «именно цели определяют функции и отражают те социальные ценности, которых необходимо достичь при помощи юридических мер защиты, а верная постановка целей во многом предопределяет деятельность субъектов, их применяющих, и задает должное направление функциям мер защиты»[10]. Далее указанный автор касается проблемы выявления общих целей права, их формального определения в законе: зачастую «они четко не обозначены в нормативно-правовых актах, и их необходимо выводить путем толкования»[11].

В доктрине высказан подход к разрешению данной проблемы посредством объединения усилий ученых-юристов и самого законодателя. Так, А. В. Малько предлагает закрепить в федеральном законе «О нормативно-правовых актах»[12] общую норму, согласно которой каждый нормативный правовой акт должен будет содержать в своей общей части или в преамбуле цели, которые преследует законодатель при его принятии. В ином случае, как замечает названный автор, возникнет ситуация, когда «субъекты права начнут их (цели. – *А. С.*) определять сами, уяснять те или иные положения в выгодном именно для них варианте»[13]. Вполне справедливые замечания А. В. Малько высказывает и о роли доктрины при формулировании данных целей: «… эффективный закон содержит разумные и научно обоснованные цели и средства для их достижения. И напротив, если законодатель неправильно определяет цели, допускает неточности в выборе средств, закон не даст ожидаемого результата, не будет максимально способствовать выполнению основных задач государства и общества»[14].

В юридической литературе понятие цели (правовой, юридической) несколько отличается от общепринятого понимания данной категории. Так, А. И. Экимов указывает следующее: «Правовая цель – это всякая цель, которая осуществляется посредством отдельных норм, институтов, отраслей права, а также права в целом» [3, с. 52]. К. В. Шундиков в своем диссертационном исследовании несколько иначе определяет юридическую цель, понимая под ней «идеально предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности»[15]. Л. Д. Чулюкин, в свою очередь, связывает цель в праве с категорией «ценность» и обозначает эту связь следующим образом: «… цель тесно связана с категорией ценности, она может интерпретироваться как мысленный образ создаваемой ценности. Таким образом,

[10] *Бессолицын А. Г.* Указ. соч. С. 3.

[11] Там же. С. 67.

[12] См.: *Проект* Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Федер. портал проектов норматив. правовых актов. 2014. URL: http://regulation.gov.ru (дата обращения: 15.01.2026). Проект не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федераци, текст по состоянию на 26 декабря 2014 г., разработка проекта прекращена.

[13] *Малько А. В.* Политическая и правовая жизнь в России: актуал. проблемы : учеб. пособие. М. : Юрист, 2000. С. 97.

[14] Там же. С. 97.

[15] *Шундиков К. В.* Цели и средства в праве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 11.

цель, с одной стороны, предполагает в идеальном виде будущую ценность, а с другой – сама должна подвергаться такой оценке с точки зрения того, верно ли отражены в цели субъекта правовой деятельности общественные интересы и насколько моделируемая в цели будущая ценность способна содействовать их достижению» [4, с. 15]. А. Г. Бессолицын, в отличие от Л. Д. Чулюкина, описывает «ценность» не как что-то создаваемое, формируемое в будущем, а, напротив, как уже сформированное и сущее[16]. Применительно к мерам защиты А. Г. Бессолицын определяет правовые цели как «идеально предполагаемые модели будущего состояния общественных отношений, правомерного поведения субъектов, к которым через установление и применение мер защиты стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности»[17]. Заметим, что данная дефиниция идентична определению, сформулированному ранее Д. А. Липинским, Е. А. Носковой и П. А. Кабановым относительно мер юридической ответственности [5, с. 82; 6, с. 142][18]. При этом Д. А. Липинский дополнительно указывает на то, что «цели юридической ответственности не возникают спонтанно, они предопределяются недостатками, которые существуют в обществе, необходимостью совершенствования общественных отношений и вытеснения отрицательных явлений»[19].

О первичности и объективной составляющей правовых целей применительно к мерам юридической ответственности пишет П. А. Кабанов: «Не юридическая ответственность порождает цели, а реалии общественной жизни обусловливают цели юридической ответственности»[20]. В то же время видится непоследовательным, а потому неверным, следующий вывод указанного автора, согласно которому «цель кары – это субъективный результат…, к наступлению которого стремятся субъекты правоприменительной деятельности»[21]. Цель, задачи и результаты реализации той или иной функции не являются тождественными понятиями, они созависимы, последовательно раскрываются в процессе реализации различных функций права. Соответственно, понятие цели не должно и не может определяться через созависимую категорию «результат». По тем же соображениям мы не можем согласиться со следующей позицией О. С. Потемкиной: «…при определении функции права вообще (а не конкретных ее разновидностей) как направления правового воздействия можно не вдаваться в характер средств воздействия, а уточнять его цели – достижение правового результата»[22].

В равной степени нельзя определять понятие «функция» через созависимую категорию «цель», а тем более проводить их отождествление, что нередко случается на страницах юридической литературы [7, с. 17; 8, с. 5; 9, с. 96–124; 10, с. 75–77; 11, с. 197][23]. В данном случае исследователь рискует совершить логическую ошибку, именуемую «круг в определении», когда некоторое понятие определяется

[16] См.: *Бессолицын А. Г.* Указ. соч. С. 67.

[17] Там же. С. 11.

[18] См., напр.: *Липинский Д. А.* Указ. соч. С. 75 ; *Кабанов П. А*. Карательная функция в системе функций юридической ответственности : дис. … канд. юрид. наук. Тольятти, 2005. С. 53.

[19] *Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 178.

[20] *Кабанов П. А*. Указ. соч. С. 52.

[21] Там же. С. 65–66, 70.

[22] *Потемкина О. С*. Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 22.

[23] См., напр.: *Иванов А. А.* Принцип индивидуализации юридической ответственности : дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 9 ; *Марцев А. И.* Специальное предупреждение преступлений : учеб. пособие. Омск : Омск. высш. шк. милиции, 1977. С. 5 ; *Шиндяпина М. Д.* Стадии юридической ответственности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. спец. М. : Кн. мир, 1998. С. 13.

через само себя или через понятие, которое, в свою очередь, определяется через первое. О созависимом положении данных понятий говорит и Г. Ф. Шершеневич, рассматривая понятие «цель государства» в качестве составляющей понятия «функция государства» [12].

Мы в полной мере разделяем позицию В. Н. Сагатовского и Е. В. Коломенской в той безусловной части, что «цель выражает желаемый конечный результат, который достигается при осуществлении правовых установлений»[24] и что цель при этом следует понимать как «нечто гораздо более широкое, чем сознательная цель, которая ставится человеком» [13, с. 71]. Сообразно этому Е. В. Коломенская дает следующее общее определение понятию цели в праве – это «состояние, к которому направлена тенденция функционирования объекта. Целью может быть определенное состояние экономической системы, конкретный результат, продукт или закономерность ее функционирования (в будущем. – *А. С.*)»[25].

III. О соотношении понятий «функция», «цель» и «ценность»

Нередко авторы не проводят каких-либо существенных различий между категориями «функция», «цель» и «ценность» [14, с. 25]. К слову, даже в работах И. Канта субъективная ценность фактически отождествлялась с целью: такой вид ценности определялся немецким философом как цель, стоящая перед человеком [15]. Заметим, что все три понятия являются фундаментальными философскими категориями, при этом категория «ценность», ее природа и происхождение изучаются в рамках отдельного учения, зародившегося одновременно с самой философией, – аксиологии[26]. При этом еще в античной философии сложилось несколько подходов к пониманию ценности: Платон определял абсолютный характер высших ценностей; софисты отстаивали относительный и индивидуальный характер абсолютно всех ценностей[27]; Аристотель выделял как абсолютные ценности («самоценности»), так и относительные, составляющие большинство ценностей [16].

Современное понятие ценности, по нашему мнению, весьма удачно сформулировано Л. В. Сурженко. Под ценностью она предлагает понимать «социальный феномен, который является важным связующим звеном между личностью, ее внутренним миром и окружающей действительностью» [17, с. 10]. При этом «ценности конкретной личности формируются под влиянием социальной среды» [17, с. 10].

Иными словами, ценности представляют собой определенные императивы, значимые для человека ориентиры, а потому определяют его поведение. В случае же с объективными ценностями последние определяют поведение общества на конкретном историческом этапе. Соответственно, представляя категорию этики, ценности регулируют поведение как индивида в частности, так и общества в целом. Составляя более широкое понятие, ценности определяют функции и цели социальных объектов (институтов), в число которых входит и право.

В частности, Н. А. Журавлева указывает, что ценности выполняют функции: целеполагания, ориентационную, мотивационную, оценочную, интеграционную, социокультурную, нормативную (регулятивную) [18]. Последняя определяет основные ценности, формирует систему

[24] *Коломенская Е. В.* Функция договора в торговом обороте : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 31.

[25] Там же.

[26] С греч. ἀξία – «ценность».

[27] Как известно, Протагору, древнегреческому софисту, принадлежит знаменитый тезис «Человек есть мера всех вещей».

поведения человека во всех областях его деятельности сообразно представлениям о добре и зле, справедливости (о должном) и несправедливости. Соответственно, ценности задают рамки для формирования общественного идеала.

В правовых исследованиях отмечается, что поскольку ценность выступает свойством того или иного социального объекта (института) удовлетворять потребности, желания, интересы, постольку «обладая определенными свойствами, право оказывается способным выполнять те или иные функции. Эти свойства являются ценностными характеристиками права»[28]. При этом «цели в праве… несут в себе информацию о существующих ценностях и сами одновременно выступают определенной ценностью»[29].

IV. Об объективной и субъективной природе цели в праве

До сегодняшнего дня на страницах юридической литературы остается дискуссионным вопрос отнесения юридической цели к разряду субъективных или объективных категорий. В целом в доктрине сложилось два подхода к разрешению данного вопроса: а) цель в праве субъективна; б) цель в праве является субъективно-объективной категорией. Поскольку природа правовой цели является одной из составляющих ее определения, рассмотрим аргументы представителей каждого из названных подходов.

Д. А. Липинский пишет следующее: «Цель по своей сущности субъективная, а не объективная категория. Более того, цель – это субъективная категория, требующая перехода в реальную действительность»[30]. При этом далее применительно к юридической ответственности указанный автор делает важные замечания, что, во-первых, «функция… является тем связующим звеном, благодаря которому цель из категории субъективной превращается в объективную реальность, в конкретный результат правового воздействия»[31] и, во-вторых, «цель – категория субъективная, а конкретный результат – факт реальной действительности, наглядно демонстрирующий функционирование права. Это относится и к содержанию функций»[32]. В то же время названный автор указывает, что «функции юридической ответственности обусловлены ее исторической целью и служебной ролью в жизни общества, а также объективными закономерностями общественного развития, теми целями и задачами, которые ставит перед собой общество, государство»[33].

А. Н. Тарбагаев, в свою очередь, замечает, что поскольку цель определяется конкретными условиями жизни, постольку она является объективной, но в то же время цель демонстрирует интересы общества, предопределяет идеальный, желаемый результат деятельности людей, а потому цель является одновременно и субъективной категорией [19, с. 79].

Е. А. Мызникова, также придерживаясь идеи о субъективной природе целей в праве, дополнительно указывает, что «цели права – это заранее запланированные на средне- и долгосрочную перспективу конечные результаты правового регулирования, выраженные в существенных изменениях определенной системы социально-правовых отношений, имеющей большое

[28] *Лапшина О. С.* Охранительная функция права в системе функций права и государства : дис. … канд. юрид. наук. Тольятти, 2011. С. 23.
[29] *Бессолицын А. Г.* Указ. соч. С. 65.
[30] *Липинский Д. А.* Указ. соч. С. 178.
[31] Там же. С. 179.
[32] Там же. С. 207.
[33] Там же. С. 180.

значение для развития государства, общества и личности»[34]. Тут же данный автор делает интересное замечание, что «коренное различие цели правотворчества и цели законодательства как правовых категорий состоит… в том, что первые формируют правовой идеал, общую правовую цель в ее статике и действуют в сфере объективного права, в процессе правотворчества, а последние, распространяясь на область субъективного права, правореализации, способствуют возникновению стратегии действия, направленной на достижение правовой цели»[35].

Несколько иначе рассуждает о связи объективного и субъективного в вопросе реализации юридических целей А. Г. Бессолицын: «…юридические цели выступают субъективными категориями, так как мы определяем их как некую модель, существующую в сознании законодателя и правоприменителя. При этом они не лишены и объективного момента, так как находят свое непосредственное закрепление в нормативно-правовых актах и обладают свойством воплощения в действительность, объективируясь в конкретный результат правового воздействия. При этом результат правового воздействия может совпадать с идеально предполагаемой целью правового воздействия. Объективность правовых целей обусловлена и тем, что они не возникают спонтанно, а предопределены недостатками, существующими в обществе, задачами, которые ставятся перед всей правовой системой»[36].

П. А. Кабанов в своем диссертационном исследовании замечает: «Цель права – явление субъективное, отражающее возможное будущее состояние общественных отношений»[37]. Схожей точки зрения, но применительно к институту юридической ответственности, придерживается М. П. Трофимова, полагающая, что «цель юридической ответственности – это идеально предполагаемая, гарантируемая и обеспечиваемая государством модель будущего развития общественных отношений, к достижению которой при помощи установления и применения норм юридической ответственности стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности»[38]. Употребление в данном понятии словосочетания «идеально предполагаемая» дало основание другим авторам сделать не совсем верный вывод о субъективной природе цели в рассуждениях М. П. Трофимовой[39]. Той же участи подверглись рассуждения К. В. Шундикова об «идеально предполагаемой модели состояния или процесса»[40]. Так, Д. А. Липинский отмечает, что «из процитированного (К. В. Шундиковым. – *А. С.*) определения следует, что цель – это категория субъективная, т. к. она, по словам автора, идеально предполагается в виде определенной модели»[41].

По нашему мнению, с подобными утверждениями сложно согласиться. Авторы исходят из положения о том, что раз цель представляет собой мыслимое, идеальное и моделируемое, то, значит, она в любом случае имеет субъективную природу. Между тем справедливой такая точка зрения может быть лишь с позиций субъективного идеализма – философского

[34] *Мызникова Е. А.* Указ. соч. С. 18.

[35] Там же.

[36] *Бессолицын А. Г.* Указ. соч. С. 65.

[37] *Кабанов П. А.* Указ. соч. С. 37–38.

[38] *Трофимова М. П.* Функции юридической ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 5.

[39] См., напр.: *Кабанов П. А.* Указ. соч. С. 53 ; *Соломенник Н. Л.* Восстановительная функция юридической ответственности : дис. … канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. С. 63.

[40] См.: *Шундиков К. В.* Указ. соч. С. 11.

[41] *Липинский Д. А.* Указ. соч. С. 178.

направления, приверженцы которого отрицают существование независимой от сознания и воли субъекта объективной реальности.

В данном случае уместно привести мнение К. В. Шундикова относительно ранее процитированного понятия о разновидностях правовых (юридических) целей: «Указанным понятием охватывается как цель в праве (официальный ориентир, установленный на нормативном уровне), так и цель в юридической практике (ориентир конкретного субъекта правореализационного процесса), ибо в идеале они совпадают. Юридические цели устанавливаются прежде всего государством в лице его правотворческих органов, отражают наиболее общественно значимые интересы и потребности, формально выражаются в специфических правовых средствах своего определения и реализации, отличаются общеобязательной нормативностью, их единообразная практическая реализация гарантируется государственной властью»[42].

Соответственно, полагаем необходимым различать правовые цели государства (законодателя) и конкретного субъекта как участника правореализационного процесса. В первом случае цели определяются общественными интересами, во втором – интересами конкретного субъекта. В то же время необходимо различать две формы правовых целей: эмпирическую цель (выводимую из эмпирического опыта) и цель рациональную, логическую, этическую (основой которой служит сознание в чистом виде)[43].

В этом ключе видится некоторое противоречие в рассуждениях Е. А. Мызниковой, с одной стороны, указывающей на субъективную природу цели[44], а с другой – определяющей ее направленность на изменение «системы социально-правовых отношений»[45]. Может ли субъективная (зависящая от воли и сознания конкретного лица) цель определять изменения в системе всех социально-правовых, то есть урегулированных правом, общественных (а не конкретных) отношений? Ответ на этот вопрос в системе действующего законодательства и общественного строя видится однозначным.

Также при обсуждении данного вопроса следует обратиться к положениям объективного идеализма, в рамках которого устанавливается первичность объективного сознания (абсолютного духа[46] [20], мирового разума), а не конкретного, личного сознания человека, в отличие от субъективного идеализма. С точки зрения объективного идеализма как философского направления идея может носить как субъективный (зависит от сознания конкретного индивида), так и объективный (существует объективно, независимо от сознания и воли субъекта) характер.

Кроме того, возникает вопрос: является ли субъективной цель, которую формирует само общество или государство в лице своего законодателя? В данном случае цель у государства может рассматриваться в трех аспектах: какова цель у государства как у общественно-политического института, какова цель у конкретного государства, какую цель преследует конкретное государство в конкретную эпоху[47]. Думается, что отрицание наличия объективной (универсальной) цели у государства возможно разве что в ключе субъективного

[42] См.: *Шундиков К. В.* Указ. соч. С. 11.

[43] См. подробнее: *Мызникова Е. А.* Указ. соч.

[44] Там же. С. 10.

[45] Там же. С. 18.

[46] Абсолютный дух – высшая категория философской системы Г. В. Ф. Гегеля, обозначающая наиболее развитую форму бытия абсолютной идеи, высшую конкретность – сознающую себя абсолютную идею.

[47] Пожалуй, первым, кто на рубеже XIX–XX вв. поставил вопрос о целях государства таким образом, стал профессор Гейдельбергского университета Георг Еллинек.

идеализма и рассуждений о так называемом органическом учении о государстве, где у последнего в принципе отсутствует какая-либо цель, когда «государство есть самоцель или, другими словами, что оно в себе самом заключает цель своего бытия» [21, с. 168].

Соответственно, полагаем, что вывод об исключительно субъективной природе цели права не вполне корректен. Цель права определяется государством и обществом, а не конкретным их представителем. В противном случае право как таковое и как всеобщее благо в данном обществе и государстве будет попросту отсутствовать – будут законы, не отвечающие требованиям права и справедливости.

Цель в праве, напомним, может быть субъективной как некая модель, образ в сознании конкретного субъекта правореализационного процесса, но в то же время цель в праве может быть и объективной, если речь идет о цели, формируемой самим государством в соответствии со сложившимися и меняющимися условиями общественного строя, социально-экономического развития на конкретном историческом этапе его развития. В данном случае под целью подразумевается реальное или потенциально достижимое состояние общественных отношений как будущего результата направленного воздействия права.

Восстановительная цель гражданского права в первую очередь должна рассматриваться как объективная цель права, к достижению которой стремится государство для удовлетворения интересов всего общества. В то же время полное восстановление имущественных прав и интересов являет собой мыслимый, желаемый результат воздействия гражданского права для конкретного потерпевшего. При этом подобного рода результат воздействия гражданского права во многом достигается благодаря воле и инициативе самого потерпевшего: именно он, как правило, избирает правовые средства его достижения (как до, так и после нарушения прав и охраняемых законом интересов), инициирует реализацию восстановительной функции «по своей воле и в своем интересе» (п. 2 ст. 1, ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Следует также заметить, что не во всех случаях один лишь факт причинения вреда порождает деликтное обязательство, поскольку обязательство есть правоотношение, в которое потерпевший по каким-либо своим соображениям может и не вступать, не инициировать его, не предъявляя требования о возмещении вреда (близкие, родственные отношения с причинителем вреда, трансакционные издержки, безразличие к причиненному вреду). Соответственно, помимо воли потерпевшего деликтное обязательство как таковое не возникает – в момент причинения вреда у потерпевшего возникает лишь субъективное право требовать возмещения [22, с. 16].

Уместно в данном случае также сослаться на Б. Т. Базылева, следующим образом интерпретирующего труды К. Маркса применительно к целеполаганию при осуществлении той или иной деятельности: «Цель и средства могут взаимно исключать (отрицать) друг друга. Целеполагание, постановка, определение целей – исходный пункт свободной, сознательной деятельности. Цели мотивируют, направляют и корректируют эту деятельность» [2, с. 47]. Напомним, согласно позиции К. Маркса, целесообразная предметная преобразующая продуктивная деятельность является родовой сущностью человека [23]. В связи с этим преследование конкретным субъектом гражданского оборота цели восстановления, во-первых, является атрибутом его свободы и, во-вторых, предполагает продуктивную, преобразующую деятельность.

Соответственно, восстановительную функцию гражданского права следует

рассматривать с точки зрения как объективной, так и субъективной ее природы – цель восстановления служит интересам как самого государства и общества, так и интересам отдельного участника гражданского оборота.

V. К вопросу о разновидностях целей в праве

Следует отметить, что в юридической литературе отсутствует единство мнений относительно вопросов как о конкретных целях права (его отраслей, институтов и отдельных норм), так и о разновидностях (видах) таких целей. Перед экскурсом по данной теме необходимо сделать важное замечание, что каждая из целей права (его отдельных отраслей и институтов) в зависимости от ее вида является изменчивой и согласуется с требованиями конкретного исторического этапа развития общества и его правовой надстройки. На этот счет Д. А. Керимов, рассматривая философские проблемы права, замечает следующее: «…каждая ближайшая цель, будучи закрепленной в конкретных правилах поведения, выражает задачи правового регулирования в данный период исторического развития нашего общества и является необходимым шагом, ступенью, звеном в цепи, связывающей ее с перспективной целью, которая, в свою очередь, является средством, периодом, этапом на пути к конечной цели» [24, с. 375]. П. А. Кабанов, со своей стороны, замечает: «Как известно, право лишь фиксирует определенный этап развития человеческой цивилизации. Оно производно от общественных отношений и уровня культурного и научного развития»[48]. Тогда как О. С. Потемкина, говоря о функциях права, справедливо указывает, что эти функции «всегда нацелены на достижение конкретных социальных целей и задач, объективно соответствующих уровню развития социума в конкретный исторический период времени в соответствии с официально реализуемой политикой и функциями государства»[49] [25, с. 80].

Итак, в доктрине встречаются следующие разновидности целей права (его норм, институтов): общеправовые и частные; общие, частные и промежуточные; общие, частные, главные; главные и второстепенные; глобальные и негативные; основные и классифицирующие; прямые и опосредованные; намеченные и вторичные; ближайшие и перспективные; определяющие, промежуточные и перспективные; определяющие и устанавливающие; ближайшие, перспективные и конечные; непосредственные, промежуточные и конечные; реальные, истинные и ложные; реальные (достижимые) и нереальные (недостижимые); основные и дополнительные; главные и второстепенные; намеченные и вторичные; непосредственные, ближайшие, отдаленные; прямые и опосредованные; непосредственные и более высокого порядка; цели-модели, цели-задачи, цели-мотивы; гуманные и антигуманные [2, с. 29, 48; 26, с. 45–64; 27, с. 31; 28, с. 11; 29, с. 119; 30, с. 7; 31, с. 29][50].

Такое количество одних только разновидностей целей права (целей его отдельных отраслей, институтов и норм) и, соответственно, оснований для их классификации, закономерно предполагает бóльшее число конкретных целей права, обусловливая актуальность вопроса

[48] *Кабанов П. А.* Указ. соч. С. 61.

[49] *Потемкина О. С.* Указ. соч. С. 33.

[50] См., напр.: *Трофимова М. П.* Указ. соч. С. 12 ; *Бессолицын А. Г.* Указ. соч. С. 64 ; *Малаш Т. А.* Принцип неотвратимости юридической ответственности : дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. С. 10–11 ; *Петелин А. И.* Соотношение правовой и общественной ответственности в социалистическом обществе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 5 ; *Чирков А. П.* Ответственность в системе законодательства : дис. … канд. юрид. наук. М., 1989. С. 36 ; *Липинский Д. А.* Указ. соч. С. 189, 203, 206 ; *Кабанов П. А.* Указ. соч. С. 66 ; *Соломенник Н. Л.* Указ. соч. С. 8.

и о соотношении целей права в его отдельных отраслях.

Анализ юридической литературы позволяет нам привести следующие примеры конкретных целей права (его институтов), так или иначе связанных с восстановлением: обеспечение индивидуальной свободы для осуществления признанных правом интересов; восстановление общественных отношений; восстановление нормальных связей и отношений, восстановление нарушенного субъективного права; восстановление нормальных правовых связей и отношений путем понуждения к исполнению ранее возложенной, но не выполненной юридической обязанности; восстановление социальной справедливости (социальная цель); восстановление нарушенного права; правовосстановление; восстановление правопорядка; восстановление нарушенного имущественного состояния лица за счет имущества правонарушителя или лица, ответственного за правонарушение другого; восстановление нарушенного равновесия, поколебленной упорядоченности – правопорядка, равно как и нарушенных прав потерпевшего; восстановление идеи права и справедливости в общественных отношениях; устранение имущественных последствий правонарушения, восстановление имущественной сферы потерпевшего; правовосстановительные цели (защита права, принадлежащего управомоченному лицу, обеспечение его интересов); принудительное осуществление юридической обязанности, не выполненной правонарушителем (восстановление нарушенного правопорядка); цель восстановления; правовосстановительная и компенсационная цель; возмещение; полное возмещение вреда; обеспечение полного или частичного возмещения вреда; восстановление нарушенного имущественного состояния, возмещение вреда или ущерба, устранение имущественных последствий; принуждение правонарушителя к действиям, которые направлены на восстановление общественных отношений; сужение имущественной сферы и личной неимущественной сферы; предоставление аналогичной вещи, компенсация убытков; закрепление модели будущего восстановления общественных отношений, приведение в динамику механизма восстановления, предоставление аналогичной вещи, восстановление права, восстановление социальной справедливости, возмещение ущерба [27, с. 31; 32, с. 37; 33, с. 108; 34, с. 11; 35, с. 36; 36, с. 278; 37, с. 59; 38, с. 80; 39, с. 76; 40, с. 38; 41, с. 54][51].

VI. Понятие цели восстановления в гражданском праве

Являясь содержательным элементом восстановительной функции гражданского права, восстановление как цель представляет собой сформулированный законодателем и гарантированный государством идеальный и потенциально достижимый результат гражданско-правового регулирования, отражающий на конкретном историческом этапе развития общественно значимый интерес и ценность (объективная цель) или частный интерес (субъективная цель) в восстановлении положения

[51] См. также, напр.: *Бессолицын А. Г.* Указ. соч. С. 68 ; *Евдокимов С. В.* Правовосстановительные меры в российском праве : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 12 ; *Кархалев Д. Н.* Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 16, 19 ; *Кожевников С. Н.* Меры защиты в советском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 5 ; *Липинский Д. А.* Указ. соч. С. 181, 202–203, 206 ; *Общая* теория права и государства : учеб. / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. С. 437 ; *Петелин А. И.* Указ. соч. С. 5 ; *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 10 ; *Соломенник Н. Л.* Указ. соч. С. 8, 65, 71–73 ; *Трофимова М. Л.* Указ. соч. С. 12–14 ; *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2001. С. 105.

потерпевшего до того состояния, в котором бы тот находился при надлежащем исполнении обязательств. Восстановление как объективная цель служит законодательно установленным ориентиром в правоприменительной деятельности, направленным на исправление существующих в правовом регулировании и обществе недостатков, определяет состояние (модель) урегулирования гражданско-правовых отношений, на достижение которого направлена восстановительная функция гражданского права.

Значимость для современного отечественного гражданского права цели восстановления как ориентира при реализации восстановительной функции дополнительно подтверждается тем, что только в России этот ориентир закреплен в общих, а не в специальных положениях ГК РФ. Зарубежные правопорядки, как и советское гражданское законодательство, не возводят восстановление в ранг основ гражданского законодательства.

Цель восстановления допустимо относить к частным (отраслевым), перспективным и конечным, реальным (достижимым), непосредственным, прямым и гуманным разновидностям целей по типу целей-моделей. К иного рода разновидностям целей, выделяемых в доктрине, цель восстановления без отдельных оговорок отнесена быть не может.

VII. О соотношении восстановительной функции и принципа (нормы-принципа) необходимости восстановления нарушенных гражданских прав

Оговорка о норме-принципе здесь не случайна, поскольку данный принцип нашел свое нормативное закрепление, при этом, повторимся, в самой первой статье ГК РФ – в основных (общих) положениях гражданского законодательства, касающихся всех институтов гражданского права.

С позиции доктрины уместно сослаться на труд Р. З. Лившица и В. И. Никитинского, посвященный принципам советского трудового права, и распространить их идею на материнское по отношению к трудовому право –гражданское: «…нет норм, в которых не проявлялись бы правовые принципы, в каждой норме отражен тот или иной принцип или несколько их, каждая норма по-своему “принципиальна”» [42, с. 33]. Иными словами, принцип необходимости восстановления нарушенных гражданских прав так или иначе отражается во всех гражданско-правовых нормах, что в том числе обусловлено его нормативным закреплением в основных (общих) положениях гражданского законодательства.

Принцип необходимости восстановления нарушенных гражданских прав относится к так называемым нормам-принципам. Последние, как обоснованно указывает О. А. Кузнецова, представляют собой «специализированные императивные предельно общие нормы, определяющие содержание всех других гражданско-правовых норм и обладающие по отношению к ним высшей юридической силой, имеющие нетипичную структуру и выполняющие специфические функции в гражданско-правовом регулировании» [43, с. 47].

Данный принцип, по мнению указанного автора, состоит из двух юридических императивов:

1) требования о необходимости полного, максимально возможного восстановления нарушенного права;

2) запрета на восстановление нарушенных прав с целью обогащения потерпевшего [43, с. 193, 199].

Добавим к этому ссылки на две нормы гражданского законодательства. С одной стороны, в соответствии с положениями п. 1 ст. 15 ГК РФ потерпевший может требовать полного возмещения причиненных ему убытков (в этой норме законодатель

закрепляет принцип полного возмещения убытков). С другой стороны, в силу положений п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без правовых оснований приобрело имущество за счет потерпевшего, обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное имущество (законодатель в гл. 60 части второй ГК РФ устанавливает запрет неосновательного обогащения, при этом запрет сформулирован так, что он распространяет свое действие на все гражданско-правовые отношения, что во многом объясняется их природой – эквивалентно-возмездным характером таких отношений).

Толкование указанных норм в системе ориентирует правоприменителя на установление баланса при определении объема восстановления: с одной стороны, необходимо стремиться к полному восстановлению, с другой – недопустимо восстановительную функцию гражданского права подменять функцией штрафной, карательной.

Указанные юридические императивы (положения п. 1 ст. 15 и п. 1 ст. 1102 ГК РФ) содержательно не противоречат друг другу. Однако судебная практика в разные периоды воспринимала их как маяки, но проходила не между ними, как по изначально заданному законодателем курсу, а преимущественно брала ориентир на один из них – недопустимость неосновательного обогащения. Данная ситуация наглядно демонстрирует, что функционирование гражданского права и отдельных его институтов зависит не столько от законодателя, сколько от внутренних установок правоприменителя.

Так, согласно опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации статистике за 2024 г.[52], арбитражными судами было рассмотрено всего 10 445 исков о возмещении убытков (для сравнения: количество исков о взыскании неустойки составило 174 679), из них в 73,5 % случаев суды удовлетворяли иски в полном объеме, в 12,3 % случаев иски были удовлетворены частично. В оставшихся 14,2 % случаев арбитражные суды отказывали в удовлетворении требований. Показательно, что при общей сумме заявленных требований по данной категории дел (порядка 37 млрд руб.) доля присужденных ко взысканию сумм составила лишь 27,6 %, то есть меньше трети от размера первоначальных требований. Характерно и то, что процент удовлетворения требований по взысканию неустойки (с учетом известного подхода к применению положений ст. 333 ГК РФ об уменьшении ее размера) за этот же год составил 39,4 %.

Однако статистика рассмотрения споров о возмещении убытков арбитражными судами 10-летней давности – за 2014 г.[53] – разительно отличается от текущей, ранее приведенной. Так, в тот год было рассмотрено 24 564 дела по данной категории (на 135,17 % больше чем в 2024 г.), а доля присужденных ко взысканию сумм составила всего 7 % (на 294,2 % меньше чем в 2024 г.), при этом процент удовлетворения требований по взысканию неустойки был примерно на том же уровне (42,2 %). Иными словами, 10 лет назад участники гражданского оборота в два раза чаще подавали иски о возмещении убытков, но при этом арбитражные суды снижали заявленный размер убытков в четыре раза.

Как за рассматриваемый 10-летний период, так и за всё 30-летнее существование

[52] См.: *Отчет* о работе арбитражных судов Российской Федерации по первой инстанции // Судеб. департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации. 2024. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945 (дата обращения: 15.01.2026).

[53] См.: *Отчет* о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации // Судеб. департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации. 2014. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2885 (дата обращения: 15.01.2026).

ГК РФ названные нормы (ст.ст. 15 и 1102 ГК РФ) не претерпевали каких-либо изменений. В то же время заметно развивалась практика их применения. В этой связи нельзя не упомянуть знаковое Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2011 г. № 2929/11 по делу № А56-44387/2006[54], откорректировавшее существующий курс судебной практики по возмещению убытков и заданный судами повышенный стандарт доказывания убытков. В данном Постановлении отмечено, что объективная сложность доказывания убытков и их размера, равно как и причинно-следственной связи между ними не может служить основанием для отказа в иске и тем самым снижать уровень правовой защищенности участников гражданского оборота. Сложившийся до рассмотрения данного спора отказной подход в судебной практике по возмещению убытков при недоказанности их конкретного размера и причинно-следственной связи, по мнению высшей инстанции, «нарушает конституционный принцип справедливости и лишает заявителя возможности восстановления его нарушенных прав»[55]. В подобных случаях суд не должен руководствоваться императивом недопустимости неосновательного обогащения, а должен определять размер подлежащих возмещению убытков «с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности»[56]. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Президиум ВАС РФ) указал, что отличный от изложенного подход нарушает «единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права»[57], а потому является порочным (служит основанием для отмены судебных актов).

Примечательно, что спустя четыре года после принятия указанного Постановления законодатель закрепил высказанную Президиумом ВАС РФ правовую позицию в п. 5 ст. 393 ГК РФ[58]. Одновременно в абз. 2 п. 2 ст. 393 ГК РФ появилось и уточнение о том, что же понимается под возмещением убытков в полном размере, о котором говорится в ст. 15 ГК РФ[59] (законодатель закрепил концепцию защиты позитивного (положительного) интереса потерпевшего через восстановление его положения до состояния, в котором бы тот находился при надлежащем исполнении должником своего обязательства).

Соответственно, достижение цели восстановления во многом зависит от господствующих в судебной практике подходов, заданных не только законодателем, но и самим правоприменителем установок. Стоит заметить, что крайние положения чего-либо в долгосрочной перспективе всегда несут в себе негативные последствия, а потому всегда следует стремиться к достижению баланса. В рассматриваемом случае такое моделируемое состояние правового регулирования задано самим законодателем еще 30 лет назад при принятии ГК РФ: одновременное следование двум императивам принципа необходимости восстановления нарушенных гражданских прав – стремление к полному восстановлению нарушенных прав при недопустимости неосновательного обогащения потерпевшего. Достижение искомого баланса возможно

[54] См.: *Вестник* Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2012. № 3.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] Там же.

[58] См.: *О внесении* изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Рос. газ. 2015. 13 марта.

[59] Там же.

при неотступном и строгом следовании правоприменителя между обозначенными маяками принципа необходимости восстановления нарушенных гражданских прав. Поворот к одному из двух маяков способен нарушить такой баланс, превратив восстановление в кару, не соответствующую основным началам гражданского законодательства.

Соотношение же рассматриваемого принципа с восстановительной функцией видится в следующем: принцип права служит средством реализации функции права, входит в ее структуру. Кроме того, термин «функция», в отличие от термина «принцип», носит, скорее, философский, нежели нормативный правовой смысл. Принципы в праве (в том числе в гражданском праве) всегда имеют прямую нормативную составляющую, зачастую используются как нормы прямого действия (принцип добросовестности, принцип недопустимости извлечения выгод из незаконного поведения, принцип соразмерности, принцип справедливости и др.). Термин «функция» также встречается в ГК РФ (14 раз в части первой, 1 раз в части второй, 6 раз в части третьей и 7 раз в части четвертой), но почти во всех случаях в значении «полномочие», «компетенция»[60], а не в значении направления правового воздействия, что представляется вполне уместным.

Следует заметить, что принцип необходимости восстановления нарушенных гражданских прав (в отличие от принципа полного возмещения убытков), как и восстановительная функция гражданского права, является отраслевой категорией, воздействует на все регулируемые гражданским правом общественные отношения.

Подчиненная, служебная по отношению к функции роль у принципа права объясняется, таким образом, нормативной природой последнего, в частности позволяющей применять принцип права непосредственно для урегулирования общественных отношений (п. 2 ст. 6 ГК РФ), в том числе для реализации цели восстановления. Так, А. А. Торопов справедливо замечает, что «в любом национальном законодательстве могут быть пробелы и противоречия, мешающие реализации правовосстановительной функции»[61]. Рассматриваемые принципы (необходимости восстановления нарушенных гражданских прав и полного возмещения убытков), выполняя служебную по отношению к цели восстановления роль, при непосредственном их применении к отношениям, прямо не урегулированным гражданским законодательством, служат средством для достижения цели восстановления. Соответственно, принцип права служит средством для реализации функции права.

В связи с этим мы не можем в полной мере согласиться с Л. С. Явичем в том, что «принципы, составляя главное содержание права, получают все его свойства и функции» [36, с. 32]. По тем же основаниям мы не можем согласиться с мнением А. Я. Рыженкова о том, что метод, функции и принципы гражданского права «являются однопорядковыми средствами правового регулирования» [40, с. 44]. В то же время мы разделяем его позицию, согласно которой «принцип полного возмещения убытков является… одним из правовых (нормативных) средств обеспечения реализации компенсационной функции» [40, с. 44]. Хотя в этом мы усматриваем некоторое противоречие в рассуждениях автора.

Одновременно заслуживает поддержки идея А. Я. Рыженкова о том, что «функция

[60] Кроме нескольких случаев (пп. 1, 5 ст. 1352 ГК РФ и п. 1 ст. 1448 ГК РФ), где законодатель говорит о существенных признаках промышленного образца, в том числе о технической функции изделия, а также о выполнении функции электронной схемы как одного из признаков интегральной микросхемы.

[61] *Торопов А. А.* Восстановительная функция права (вопросы теории и практики) : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 42.

(гражданского. – *А. С.*) права показывает, зачем, с какой целью используется гражданско-правовое регулирование» [40, с. 44]. Соответственно, если функция гражданского права применительно к гражданско-правовому регулированию отвечает на вопрос «зачем?» (определяя цель), то принцип гражданского права отвечает на вопрос «как?» (выявляя средство, действие и признак такого действия).

VIII. Заключение

По результатам исследования мы можем сделать следующие выводы.

1. Поскольку, будучи общим направлением правового воздействия, восстановительная функция представляет собой многогранное и структурированное правовое явление, постольку восстановление необходимо рассматривать с различных его сторон: термин «восстановление» может означать как саму функцию, так и ее одноименную цель.

2. Цель восстановления сообразно эквивалентно-возмездной природе гражданско-правовых отношений представляет собой сформулированный законодателем и гарантированный государством идеальный и потенциально достижимый результат гражданско-правового регулирования, отражающий на конкретном историческом этапе общественно значимый интерес, обусловленный необходимостью исправления существующих в правовом регулировании и обществе недостатков, и ценность (объективная цель) или частный интерес (субъективная цель) в восстановлении положения потерпевшего до того состояния, в котором бы тот находился при надлежащем исполнении обязательств.

3. Вывод о субъективной природе цели восстановления является некорректным. Цель в праве может быть субъективной как некая модель, образ в сознании конкретного субъекта правореализационного процесса, как атрибут его свободы, но в то же время цель в праве может быть и объективной, если речь идет о цели, формируемой самим государством в соответствии со сложившимися и меняющимися условиями общественного строя, социально-экономического развития на конкретном историческом этапе его развития. Соответственно, можно выделять и цель в праве как официальный ориентир, установленный на нормативном уровне, и цель в юридической практике как ориентир конкретного субъекта правореализационного процесса. В первом случае цели определяются общественными интересами, во втором – интересами конкретного субъекта. Цель восстановления, таким образом, служит интересам как самого государства и общества, так и интересам отдельного участника гражданского оборота.

4. Особенностью современного гражданского законодательства, отличающей его от зарубежных правопорядков и советского законодательства, является возведение восстановления в ранг основ гражданского законодательства, и, соответственно, прямое закрепление восстановления как базовой цели гражданско-правового регулирования.

5. Принципы необходимости восстановления нарушенных гражданских прав и полного возмещения убытков, выполняя служебную по отношению к цели восстановления роль, при непосредственном их применении к отношениям, прямо не урегулированным гражданским законодательством, служат средством для достижения указанной цели восстановления. Соответственно, принцип права служит средством для реализации функции права. Одновременно обозначенные принципы ориентируют правоприменителя на установление баланса при определении объема восстановления: с одной стороны, необходимо стремиться к полному восстановлению, с другой – недопустимо восстановительную функцию гражданского права подменять функцией штрафной, карательной.

Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1911. 698 с.
2. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 120 с.
3. Экимов А. И. Категория цели в науке права // Философские проблемы государства и права (Ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке) : сб. ст. / под науч. ред. чл.-кор. АН СССР Д. А. Керимова и проф. Л. С. Явича. Л. : Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1970. С. 51–58.
4. Чулюкин Л. Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. 103 с.
5. Липинский Д. А. О функциях и целях юридической ответственности // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2002. Вып. 24. С. 3–13.
6. Носкова Е. А. Позитивная юридическая ответственность : моногр. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. Тольятти : Изд-во Волж. ун-та им. В. Н. Татищева, 2003. 143 с.
7. Петров Н. И. Ответственность хозорганов за нарушения обязательств. М. : Юрид. лит., 1974. 214 с.
8. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 193 с.
9. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М. : Юрид. лит., 1971. 240 с.
10. Хоменко В. Н. Ответственность в хозяйственном праве. Киев : Вища шк., 1975. 172 с.
11. Шлыков С. А. Функции уголовной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства. 1983. Вып. 27. С. 192–203.
12. Шершеневич Г. Ф. Философия права. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1912. Т. 1: Часть теоретическая. Вып. 4: Общая теория права. 805 с.
13. Сагатовский В. Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3. С. 67–78.
14. Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов : Вища шк., 1985. 167 с.
15. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения : в 6 т. : [пер. с нем.] / [под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1 / [ред. и авт. вступ. ст. В. Ф. Асмус]. 543 с.
16. Ильчугулова Г. З. История концепта «ценность» // Система ценностей современного общества. 2013. № 32. С. 157–164.
17. Сурженко Л. В. Ценности личности: философский и психологический анализ понятия // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 65. С. 241–252.
18. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М. : Ин-т психологии РАН, 2006. 333 с.
19. Тарбагаев А. И. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 120 с.
20. Быкова М. Ф., Кричевский А. В. Абсолютная идея и абсолютный дух в философии Гегеля. М. : Наука, 1993. 269 с.
21. Еллинек Г. Право современного государства. Изд. 2-е, испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. СПб. : Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1908. Т. 1: Общее учение о государстве. 599 с.
22. Чеговадзе Л. А. От притязания до права в деликтных обязательствах // Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 1. С. 16–21. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.1.3
23. Кондрашов П. Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 69–80.
24. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. 472 с.
25. Потемкина О. С. Функции права как отражение его природы: традиционные характеристики и новые подходы // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). С. 80–82.
26. Малько А. В., Шундиков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов : Изд-во СГАП, 2003. 293 с.
27. Варкалло В. Об ответственности по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы) / пер. с польск. В. В. Залесского ; под ред. и с вступ. ст. С. Н. Братуся. М. : Прогресс, 1978. 327 с.
28. Свиридов С. А. Эффективность правовых норм о материальной ответственности рабочих и служащих. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 120 с.
29. Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М. : Госюриздат, 1960. 223 с.
30. Самощенко И. С., Никитинский В. И. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 3–11.

31. Буравлев Ю. М. Цели и функции юридической ответственности в системе государственной службы как понятийные категории науки административного права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4 (19). С. 118–131.

32. Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 33–39.

33. Барышникова Т. Ю. К вопросу о разграничении мер защиты и мер ответственности // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова / отв. ред. В. В. Бутнев. Ярославль : Изд-во Ярослав. ун-та, 2003. Вып. 7. С. 102–110.

34. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: теория и практика. М. : Изд-во МГУ, 1986. 148 с.

35. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М. : Юрид. лит., 1976. 215 с.

36. Явич Л. С. Общая теория права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 285 с.

37. Вершинин А. П. Меры защиты субъективных прав по гражданскому законодательству // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав : сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Бутнев. Ярославль, 1988. С. 54–59.

38. Попондопуло В. Ф. Правовой режим предпринимательства. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 208 с.

39. Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / под науч. ред. К. К. Лебедева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 227 с.

40. Рыженков А. Я. Компенсационная функция советского гражданского права / науч. ред. В. А. Тархов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 95 с.

41. Стоякин Г. Я. Назначение гражданско-правовых мер защиты // Сборник аспирантских работ по вопросам государства и права / [ред. колл.: С. С. Алексеев и др.]. Свердловск, 1973. Вып. 15. С. 46–54.

42. Лившиц Р. З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 31–39.

43. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права : [моногр.]. М. : Статут, 2006. 267 с.

References

1. Shershenevich G. F. *General Theory of Law*. Moscow: Bashmakovs brothers' Publ.; 1911. 698 p. (In Russ.)

2. Bazylev B. T. *Legal Liability (Theoretical Issues).* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1985. 120 p. (In Russ.)

3. Ekimov A. I. The Category of Purpose in the Science of Law. In: Kerimov D. A., Yavich L. S. (Eds.). *Philosophical Issues of the State and Law (Lenin's Ideas and Issues of Methodology in the Legal Science)*. Leningrad: Zhdanov Leningrad State University Publ.; 1970. P. 51–58. (In Russ.)

4. Chulyukin L. D. *Nature and Significance of Purpose in the Soviet Law.* Kazan: Kazan University Publ.; 1984. 103 p. (In Russ.)

5. Lipinskii D. A. On the Functions and Purposes of Legal Liability. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2002;24:3-13. (In Russ.)

6. Noskova E. A. *Positive Legal Liability*. Tolyatti: Volzhsky University named after V. N. Tatishchev Publ.; 2003. 143 p. (In Russ.)

7. Petrov N. I. *Liability of Economic Authorities for the Breach of Obligations*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1974. 214 p. (In Russ.)

8. Noi I. S. *The Essence and Functions of Criminal Punishment in the Soviet State: A Political and Legal Study*. Saratov: Saratov University Publ.; 1973. 193 p. (In Russ.)

9. Samoshchenko I. S., Farukshin M. Kh. *Liability Under the Soviet Legislation*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1971. 240 p. (In Russ.)

10. Khomenko V. N. *Liability in Economic Law*. Kyiv: Vishcha shkola Publ.; 1975. 172 p. (In Russ.)

11. Shlykov S. A. Functions of Criminal Liability. *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva.* 1983;27:192-203. (In Russ.)

12. Shershenevich G. F. *Philosophy of Law*. *Vol. 1: Theoratival Part. Iss. 4: General Theory of Law.* Moscow: Bashmakovs brothers' Publ.; 1912. 805 p. (In Russ.)

13. Sagatovskii V. N. Experience in Constructing the Categorical Apparatus of the Systemic Approach. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1976;3:67-78. (In Russ.)

14. Rabinovich P. M. *Socialist Law as a Value*. Lviv: Vishcha shkola Paubl.; 1985. 167 p. (In Russ.)

15. Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals. In: *Complete Works*. Vol. 4, pt. 1 Moscow: Mysl Publ.; 1965. 543 s. (In Russ.)

16. Ilchugulova G. Z. History of the Concept of "Value". *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*. 2013;32:157-164. (In Russ.)

17. Surzhenko L. V. Values Of Personality: Philosophical and Psychological Analysis of the Concept. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University.* 2011;65:241-252. (In Russ.)

18. Zhuravleva N. A. *Dynamics of Personal Value-based Orientations in the Russian Society*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ.; 2006. 333 p. (In Russ.)

19. Tarbagaev A. I. *The Concept and Purposes of Criminal Liability*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1985. 120 p. (In Russ.)

20. Bykova M. F., Krichevskii A. V. *The Absolute Idea and Absolute Spirit in the Hegel's Philosophy*. Moscow: Nauka Publ.; 1993. 269 p. (In Russ.)

21. Ellinek G. *Law of Modern State*. *Vol. 1: General Theory of State.* 2nd ed. St. Petersburg: N. K. Martynov's Legal Bookshop Publ.; 1908. 599 p. (In Russ.)

22. Chegovadze L. A. From Claim to the Right in Tort Obligations. *Legal Concept*. 2018;17(1):16-21. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.1.3 (In Russ.)

23. Kondrashov P. N. Karl Marx's Philosophy of Praxis. *Voprosy Filosofii*. 2016;10:69-80. (In Russ.)

24. Kerimov D. A. *Philosophical Problems of Law*. Moscow: Mysl Publ.; 1972. 472 p. (In Russ.)

25. Potemkina O. S. Features of Law as a Reflection of Its Nature: Traditional Characteristics and New Approaches. *Agrarian and Land Law*. 2019;12:80-82. (In Russ.)

26. Malko A. V., Shundikov K. V. *Goals and Facilities in Law and Legal Policy*. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ.; 2003. 293 p. (In Russ.)

27. Varkallo V. *On Liability According To the Civil Law (Compensation of Damage: Functions, Types, Boundaries)*. Moscow: Progress Publ.; 1978. 327 p. (In Russ.)

28. Sviridov S. A. *Efficiency of Legal Principles on the Financial Liability of Workers and Employees*. Voronezh: Voronezh University Publ.; 1982. 120 p. (In Russ.)

29. Kerimov D. A. *Freedom, Law, and Legality in a Socialist Society*. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960. 223 p. (In Russ.)

30. Samoshchenko I. S., Nikitinskii V. I. Studying the Efficiency of Applicable Legislation. *Soviet State and Law*. 1969;8:3-11. (In Russ.)

31. Buravlev Yu. M. The Goals and Functions of Legal Responsibility in the System of State Service as Conceptual Categories of Administrative Law. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2014;4:118-131. (In Russ.)

32. Ardashkin V. D. On Coercion Under the Soviet Law. *Soviet State and Law*. 1970;7. S. 33–39. (In Russ.)

33. Baryshnikova T. Yu. On the Issue of Distinguishing Between the Measures of Protection and Measures of Liability. In: Butnev V. V. (Ed.). *Legal Notes of P.G. Demidov Yaroslavl State University*. *Iss. 7.* Yaroslavl: Yaroslavl University Publ.; 2003. P. 102–110. (In Russ.)

34. Belyakova A. M. *Civil Law Liability for Causing Harm: Theory and Practice*. Moscow: Moscow State University Publ.; 1986. 148 p. (In Russ.)

35. Bratus S. N. *Legal Liability and Legality. A Theoretical Essay.* Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1976. 215 p. (In Russ.)

36. Yavich L. S. *General Theory of Law.* Leningrad: Leningrad State University Publ.; 1976. 285 p. (In Russ.)

37. Vershinin A. P. Measures for the Protection of Subjective Rights Under the Civil Legislation. In: Butnev V. V. (Ed.). *Problems of Improving Legislation on the Protection of Subjective Civil Rights*. Yaroslavl, 1988. P. 54–59. (In Russ.)

38. Popondopulo V. F. *Legal Business Environment*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.; 1994. 208 p. (In Russ.)

39. Ripinskii S. Yu. *Property Liability of the State for Harm Caused To Entrepreneurs.* St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press Publ.; 2002. 227 p. (In Russ.)

40. Ryzhenkov A. Ya. *The Compensatory Function of the Soviet Civil Law*. Saratov: Saratov University Publ.; 1983. 95 p. (In Russ.)

41. Stoyakin G. Ya. The Purpose of Civil Law Measures of Protection. In: Alekseev S. S. etc. (Eds.) *Collection of Postgraduate Works on the Issues of the State and Law*. *Iss. 15.* Sverdlovsk, 1973. P. 46–54. (In Russ.)

42. Livshits R. Z., Nikitinskii V. I. Principles of the Soviet Labor Law. *Soviet State and Law*. 1974;8:31-39. (In Russ.)

43. Kuznetsova O. A. *Norms and Principles of the Russian Civil Law*. Moscow: Statut Publ.; 2006. 267 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр Валентинович Сятчихин, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (ул. Букирева, 15, Пермь, 614068, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6317-0953; ResearcherID: H-8280-2015; SPIN-код: 1972-6727; AuthorID: 752234; e-mail: doka065@gmail.com

About the Author

Aleksandr V. Syatchikhin, Associate Professor at the Department of Entrepreneurial Law, Civil and Arbitrazh Procedure at the Perm State National Research University (15 Bukireva St, Perm, 614068, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6317-0953; ResearcherID: H-8280-2015; SPIN-code: 1972-6727; AuthorID: 752234; e-mail: doka065@gmail.com

Поступила | Received 15.01.2026

Поступила после рецензирования и доработки | Revised 24.03.2026

Принята к публикации | Accepted 25.03.2026